

Луна

Вторая книга. Стихотворения и поэмы

Стихотворения

I

+++

Кругла Москва не батогами,
а круторогими грибами,
под ней гудит гадюкин суд,
пока её на свет несут.

Листает робкие ресницы
собор стозевный за стеклом,
не знает, думает о ком
и кто за стол к нему садится,
полынным пальцем подзывает,
губной бумаги предлагает,
а то протянет наугад
нам ворох свежих медвежат.

И тут же грозные салюты
взорвут кипеневый паркет,
как будто в гридницу Малюты
внесли бисквитный пистолет.

И самолёт «Валерий Чкалов»
одним крылом укажет на
колонны солнца и вина
вдоль растревоженных бокалов.

+++

Вода разведена, а всё-таки черна.
Сердиты псы в рубцах от зноя.

Вздыхнув, утих крааль. Серьёзный сын до сна
обходит круг довольства и покоя.

Коровий стыд горит на небе вместо глаз,
и капает заученное семя
с безоблачных равнин на ламповый атлас
земли, где мается искусственное время.

Я словно подошёл к большому валуну
и называл его небесным братом,
когда его отец, похожий на луну,
мои стада увёл к нечаянному сну
и души спящих скот под лунным камнем прятал.

+++

Вшей, как мышь, в пустое дело
неживое наше тело,
засмоли луной.

Всё, что видимо глазами,
пусть исчезнет вместе с нами
из игры дневной.

Кто похож на битый колос,
пусть того разбудит голос
медного ключа.

Медный шум в ушах до слуха
роет дно, просторней духа,
потемну мельча.

Выйдут люди стороною
посмеяться над луною,
плюнуть ей в лицо.
Всё последнее воскресло,
и разорвана завеса
перед их творцом.

Здесь ли хваткие, как камни,
мясники с гробовщиками
делят свой товар?
И сдаётся тут же, даром,
дом, продолженный пожаром
в черновой словарь.

Господин твоей ладони
ниже сумерек продольных
спит в своих снегах.

Он болеет, он наказан:
из него лучистым газом
вытек мир впотьмах.

Поднеси же боль ручную
к векам, сомкнутым вслепую, —
видишь: там, вдали, —
синий, хинный, тонкогранный
блеск на срезе долгой раны
вдоль всея земли.

+++

Говорят, в лесах теперь тягостная тишина,
всё, что грозно рычало, молча боится сна.
Колыхание листьев слышно на той стороне земли,
но оттуда, кто мог услышать, тоже ушли.

Дикие звери в лесу, завёрнутые в фольгу,
думали спрятаться в этих деревьях лжи.
Я хотел им помочь, но больше я не могу:
съедено всё, Батилл, всё выпито «Ибражы».

В красной коже звериной, с пальцами, как луна,
рубит леса металлическая жена,
мечется, как зрачок на краю иглы,
и руки её, пустые внутри, светлы.

В них и уснёшь, как лотос, зная, что никуда
больше не деться, как ни играй во снах
с тягостным эхом в мёртвые города,
а больше бояться нечего в тех лесах.

+++

Поздним ящером вышли мы с таримскою девой —
прочь от стойбищ касогов, тяжелеющих к лету,
от нечаянной жизни чуть прикрывшись ладонью,
чуть замедлив дыханье под тенью желтушной.

Я чужие созвездья различал неохотно:
вот Орёл безобразный, вот и варварский Заяц.
Ну скажи мне, где бомбы, где свистящие стрелы,
что навеки погасят это жёлтое вымя?

И сказала мне дева: Вот придёт новый ящер,
смерть смахнёт, как солонку со стола, не заметив,
смертный путь сокрушит преднебесным туменом,
табуном дорассветным смертных в рощи погонит.

Его зубы белее молока кобылицы,
трепет крыльев его отзывается в горле,
коготь ужаса нижез он мне в сердце сухое,
воробьиное сердце, развыкшее телу.

Подневольные реки, теките напрасно.
Не стелите постели, злообразные жёны.
Будет встреча – и страшно вынут душу навстречу,
грозно вскроется купол над плоской Землёй.

+++

Задумали народы-сёстры
огромный и пустой вокзал,
откуда в купол чёрно-пёстрый
луч мёда, как вьюрок, сновал.

Здесь расходились понемногу
струи беспомощной земли,
и человек свободным садом
казался сам себе вдали.

И птица, с птицею прощаясь,
летела, богу вопреки,
то цифрой семь, то цифрой ворон,
на спящий в небе материк.

А человек в созвучном горе,
как будто он теперь один,
заучит бесконечный номер,
но никогда не позвонит.

+++

Пускай научат пионеров дна
тому, что истина, как червь, одна –
и одинако сеется над ними
горящими могильными камнями.

Пускай у них дрожат ухмылки рта,
когда они, решив, что жизнь мертва,
рассядутся протяжными нулями
и примутся толпою за слова.

Тогда, олень и крот, бегите прочь,
и, всякий человек, возьми свой ключ
и отпирай загнивьё под ногами
с бесчисленными врагами.

Тогда раскроет истина луну
и, каждого из нас пустив ко дну,
играючи направит лунный луч,
как некий бич, бичующий сквозь туч.

+++

Весна красуется на лицах безумных женщин.
Яд освещенья со всех сторон
отъедает у плоти места́ для неспешной
катастрофы с разбитыми, вопреки
предсказаниям, сотами обездвиженных пчёл
на расстоянии вытянутой руки.

Боги в воздушной коме своей, конечно,
спят и видят, как бы случиться наоборот,
чтобы летать валунами при всём народе.

Хорошо бы в девяносто девятый год
отправить сиротку с посланием: Ночь проходит,
но за ней ничего не идёт.

+++

Синие, синие, ножевые,
архейского возраста, чистый люминофор,
если нажать, обнаруживают свойства кристаллов.
Никогда не был ни в чём настолько уверен.

Пить хочется. Это, Женя, от стресса.
Кажется, что резонируют с ближайшим пульсаром.
Тебе бы всё руками трогать, я же предупреждал.
Вспоминается космогония Василида.

Что писать? Что вижу, то и пишу:
все, как пыль, потонули в винноцветное небо.
Ранняя жизнь переходила пустыню прежней –
я был свидетелем этому и тому.

+++

Внутри земли горит железная звезда,
загар её с голубоватым блеском.
Она сияет тебе, железная жена,
седяй на звере в платье дерзком.

А в дольном мире, где ни страшно, ни светло,
сестра её пречистая двоится,
и та же ты, которой повезло,
зовёт её своей Денницей.

+++

Нам сныщаяся Неземля
крошится костью под ногами,
и на рассеянных домах,
как птичьи гнёзда, сохнет пламя.

Нам надо к утруму успеть
поджечь квартал, покуда спит он.
В диванной копоты своей
растёт невидимое древо.

Мой друг, обвешанный огнём,
как галеон, рубил им корни,
а за шипящим тростником
вставали сорные породы.

И каждый камень был оброк
неназванному расставанью,
когда последний шаткий дым
с руки обугленной кормили,
из холода срезали медь,
сырую тварь огнём стращали
и говорили о чуме
с чумными крысами в подвале.

+++

Прозрачных пуль в полвоздуха висело
стекло, но тот, кто вышел вон, —
его дотла разобранное тело
развёрнуто на шесть сторон.

Его мясная лилия хлопочет
о каждодневном сне труда,
как будто между дёсен-червоточин
шипит игристая вода.

И камень — стук соседний в половине —
дрожит на пальцах вещества,
соединяясь на воздушной глине
в неизмеримые слова.

Его убрать, и ничего не станет.
На твёрдой улице народ
сожмётся в безобразный братский танец,
чтоб навсегда забыть, как тот,
кто, выйдя умереть и измениться,
придумал выстрел за спиной
и видел, как к орлу подседа львица
и оба сделались землёй.

+++

Союзный флот уходит в море зла,
полощутся, низки и тощи, флаги,
на берегу прозрачные тела
посмертной преисполнены отваги.

В огромной рыбе выключили свет.
Дрянь, опрозрачев, бьётся в жирной луже
с ментами, замороженными вслед
тунцам, ещё не поданным на ужин.

Тугим пятном среди оконных чтиц
летает страх с руками человека,
от негорящих водяных страниц
промозглое пересекая эхо.

И кистенями трогают окрест
живую смесь хрущёвок и морены,
когда они, с блесной наперевес,
вплывают в ускользящие стены.

+++

Из дома дым слагает существо
безлюбое, над ним паря в короне,
и падает тысячеглазый шёлк
на чёрный парк за лиственной речью.

И медлит зеркало. И волнами к нему
подходит узнаванье, но оттуда
нечёткое бросается лицо,
на миллионы лезвий распадаясь.

Как от луны тончайшее темно,
мы рано встали среди этой ночи,
и каждый для другого был провал
в неведенье ещё темней, чем прежде.

+++

Кто этот молодой сталинист в белом худи,
с войлочным взглядом муклы настороже?
Бродит по выметкам ороговевших улиц,
словно новорождённая русская нефть.

Крестом и пулей, сладкое, кочевое,
тронуло солнце взорванные дома –
города́, где спрятаться невозможно,
где прежде с порогу заворачивали назад, –
теперь торгуют будущим из подполья,
собственным ходом выстроились в тюрьму.
Томми Хилфигер летает над крышей молла,
как даосский бессмертный в своём саду.

Не говори со мной, всё навсегда раздельно,
пока не качнутся в окнах точечные огни,
как будто за нами в конце прислали планету,
безвидную сверху и бесконечную изнутри.

+++

Вот наша лилия почти уснула,
но шаг её нетвёрдых пальцев слышен,
как траурный родник, в бесхозном стуке
парковых лип, отёкших на отшибе.

Пилот во сне рассохшихся растений
теряет землю в штопоре ручном.
Пусть от него ни слуха, ни известий –
шатающейся тушей выйдут в ночь.

Ты помнишь имя, забываешь имя.
Года, как воск на шестилистных пальцах.
Ложатся к спящим лилии больные
безвестной смерти в воздухе пыльцою.

Антилопа

Может, кто-то видел, как раздирают
огромные львы крохотную антилопу?
Оливки глаз её высыхают,
земля стучит по мясному гробу.
С той стороны антилопы добрые люди
встречают её с таинственными цветами,
говорят ей: Ну будет, будет,
просто постой здесь немного с нами.
Перед нею светящиеся зоны,
дольние волны тьмы, по которым,
как листья, упавшие с необозримой кроны,
сотни новорождённых миров
расплываются во все стороны.
Говорят ей: Ну выбирай, отсюда удобно.
Видишь, как тебя ждут повсюду?
Видят глаза её алую сдобу,
плоти невозстановимую посуду.
Слышит она хруст костей под зубами,
сладкие реки крови в неё впадают.
Разве мне не стирали память? –
говорит она в пустоту,
но там ничего не знают.

Липкий шар из земли и неба
приближается, заверчен коловоротом.
Набери – говорят – дыхания, боли, гнева,
ты уже понимаешь, что там.
Всё то же крушение,
брызги спермы и глины,
руки огня, мастерящие ей твердыню.
И сквозь распахнутые равнины –
вспышка света, увиденного впервые.
Жаркий выдох её, дрожащий мираж в отдалении.
Города́ или звери?
Но ей не страшно ни то, ни другое.
Теперь перед ней у других слабеют колени.
Теперь она пламенный лев,
сокрушающий всё живое.

+++

Есть озеро Земля, нещадной глубины.
Отец всех рыб построил им корабль,
построил сразу затонувшим, чтобы
печаль не тронула их плоских лиц.
Они носились стайками вдоль мачты,
упёршейся концом в тугую мглу,
в то время как их золотые дети
с суровым видом в трюме доедали
искусственных утопленников из
червей и хлеба.

Взять любую рыбу
и сделать из неё наоборот:
открытое холодное пространство
на триллионы лет вокруг,
с губами, прикоснувшимися вдруг
к запретному стеклу огромной банки.

+++

И осень узнавания,
и вычурные позвонки заснувших спин,
жучиных лапок на просвет мерцание,
паслён и папорот один.

Бег паутины по глазам,
наездники с продрогшими крестами –
и всё, что остаётся с нами,
когда они исчезнут за мостом.

II

+++

Так вас не помилует
боже никогда,
он с огромной силою
внушил звездам,
что теперь негоже вам
знать свой бедный путь.
Так всего хорошего
вам по чуть-чуть:
музыки и ужаса,
смертныя тоски.
Голова закружится,
взвелят виски.
Как вернуться гробные
из земли назад,
сдобные, съедобные
у них глаза.

+++

Вот сад, обрушенный в космический провал,
неуследимый ключ к дневному перестуку
цикады, собранной из голода и трав,
с пульсаром посреди измученного слуха.
Ты был один, когда над зеркалом земли
склонился некий страх, но ты его превысил,
и тёмный пот ветвей свернулся в иглы чисел,
и крысы роз твоих мертвецки расцвели.

+++

Вообразим реку, текущую отовсюду,
рот её страшен с зазубренными зубами,
под мостом она притворяется крокодиллом,
чтоб обмануть ожиданья, а между тем
падает наш автобус, летящий в бездну,
почти что бусиной потерявшись
среди чёрных волн, уму говорящих,
что здесь уже не помочь ничем.

Хватит листать фейсбук, ожидая чуда.
Здесь, быть может, сошлись на земле такие
силы, в чьём приближеньи напрасно сердце
пропеваает положенные крюки.

Нейросетке, скажу, будет тот подобен,
кто перестанет пищать «помогите люди»
всякий раз, когда бесчеловечный опыт
сходит, как голубь, на смысл реки.

+++

И сегодня, прелестный козлёнок,
в час могучей и древней звезды,
ты напрасно боишься спросонок,
что сомкнутся высокие льды.

Над твоей головой кучерявой
будет вечно сиять полынья.
Ты увенчан, как некой оправой,
тонким шёпотом небытия.

Вот лоза наклонилась присниться
к твоим медленно-верным рогам —
это долгая чёрная птица
пролилась по небесным углам.

Исполинское тело земное
задрожало в холодных руках.
Это всё ни о чём, всё пустое,
о тебе размышляющий прах.

Но сегодня и ночь, как солонка,
над слоями послушной земли,
чтобы в сердце пустого ребёнка
бесконечные числа вошли.

И я вижу: тебе в укрепление
океан их бросает волну
на заброшенный смертью и временем
берег мира у бога в плену.

+++

За сома из звёзд
заступился хруст,
всё сковал во льду,
всех унял во сне.
Сом лежал, лучист
и сорокоуст,
молодой чумы
на высоком дне.

Чей корабль стоит
у речной беды?
То ли тонет сам,
глубины опричь,
то ли всех зовёт
в государи-льды, —
это ты ли, чорт,
Сом Иванович?

Позабудут быть
на уме слова,
разошьётся ум
на державный ноль,
а пока смотри,
как, в жиру мертва,
разевает рот
лучевая боль.

И звучит вверху:
Это мой покров,
это русский груст
лёг на сердце зла.
А под ним зола
черновых миров,
что твоя душа
как один прошла.

+++

В который год в соцветие луны
вплелись колосья зева. Из остатка
от городов, закрытых для войны,
соорудили земляную матку.

Ещё вчера, кто с головой быка
шатался в полночь по чужим балконам,
привет ему, как холод у виска,
в кошачий сыск обрушится законом.

И пена на глазах обречена
рассыпаться сигнальными хлопками,
когда из-под ноги встаёт луна
и дымным ульем носится за нами.

+++

«Отец свиней, который на земле,
как ненасытна пасть твоя и рыло,
и от любви, что нас с тобой связала,
под лунным светом не осталось ничего.

Но хлев твой, одинокий и пустой,
останется твердыней страшной веры,
пока в поту неумиравших тел,
как газовый родник, кипит твоя работа»

+++

Было очень тихо и послушно,
как в четыре ангельских часа
наклонились над землёй воздушной
два горящих всуе колеса.

Удивляя столбовое время
тысячей диодов вдоль лица,
в чистоте заставили деревья
досчитать все числа до конца.

Чтоб катиться по небесной слизи,
недостаточно кивнуть живым,

как по наблюдающей их линзе
пробегают совершенный дым.

Голосом, возможно, что последним,
повтори окружность этих тел,
безначальных, совершеннолетних,
в огненной и зрячей пустоте.

+++

Детские черви бесконечного страха во сне,
в планетарной пустыне голодного воздуха,
что царапает кожу, едва открываешь дверь
наотмашь мира, уже забывшего зачем существует
правда и ложь, прикосновение и прощенье, —
они подымаются, бескрылые, в тёмном зените
оробевшего взгляда и оттуда с гибельным молчанием
бросаются вниз на одиноких прохожих.

Что сказать им о жизни? Что оказалась глиной?
Что выбраться из неё было мучительно-сладким влечением?
Прошёл некий дождь, и сила сама подтолкнула
наружу, в бездну несокрытого света, но что-то
пошло не так, и в ороговевшем взгляде прохожего
отражается дикий полёт, вымышленная высота
стирает сама себя, под звуки дальнего грома
сходятся и расходятся осколки словарного тела,
пространство плюётся пеной. Никто и никогда больше
не ахнет перепуганно: Боже, мы ещё здесь.
Да, мы всё ещё здесь. Стрелки часов у полудня,
долгий мертвенный свет звезды поливает улицу.

+++

Молит вас душа быка:
кто создал меня и для чего?
В это страшное пятно
кто воздвигнул костяной собор?
Под мощёной головой,
может быть, совсем немного дня,

всё укутано в туман,
всё темно, как в ледяном лесу.

Что же выбрал я во тьме?
Уподобит кто меня богам?
Птичья скоропись в глазах
промелькнёт и не оставит слов.

Человеку ритуал
сотворить несложно, ибо есть
пред умом его язык,
разделивший истину и ложь.

Нам же, робкому скоту,
всё единым светом сочтено:
хорошо письмо воды,
ароматны травы на луне.

Перед носом целый день
донесенья из иных миров.
Точка, точка и тире
ничего уму не говорят.

+++

Когда с земли сошли снега,
я был растерянным слегка,
я говорил: моя булга,
я знал: моя мезга.

А ты стоял особняком,
ты мне казался не знаком,
не выразить то языком:
ты был подземный ком.

Я всюду видел слово «нет»,
я пролагал пути планет,
я был, как чёрный пистолет,
мне было триста лет.

А ты, как некий птицелов,
сооружал себе покров,
владыка четырёх углов,
ты состоял из слов.

Тогда мы взяли по свече
и вышли вместе в час вече-

рний, и, сомкнув к плечу плече,
один из нас рече:

Двояковыпукл круг небес,
на нём сияющий надрез,
и дым луны сочится чрез,
отбросив политес.

Я в ужасе смотрел вокруг
на кладбище больных наук,
а ты, неизгладимый друг,
как тать, упал из рук.

И в эту страшную мину-
ту я, как поезд на войну,
увидел истинну луну,
и больше не засну.

Теперь, возможно, новый год,
по всей земле переворот,
солдат, стоящий у ворот,
не знает, кто идёт.

Летёхи дышат на шутих,
урлы кивают на чертих.
Чтоб не остаться среди них,
язык ко тьме притих.

Я знаю корень громовой,
я слышу топот гробовой,
летает мимо головой
сусветный боже мой.

И всяка плоть укрощена,
и вся земля ему жена,
и подымается со дна,
гляди, ещё одна.

+++

Уезжали в полночь, позабыли вещи,
в их пустых глазницах ночевало о-
сеннее предместье. Сонное глазами,
поскользнулось небо под заочный лёд.

Кто-то шёл уставший временем и морой.
По бумажной тверди выследив число,

он смотрел, как сходит на огни района
в ветхий белый шёпот неживая жизнь.

За холмом захован силой и престолом
то ли кот, учёный холоду и сну,
то ли добрый вечер у земного края,
и об этом тоже хватит волховать.

Волею всестрашной здесь оставлен вчуже
под золой певучей город золотой,
и глядят, глядят крестами и нулями
голые комочки на восток луны.

+++

Что голубиному народу книга –
природы стыд или картинки звёзд?
Открыта ли лиса наполовину,
когда она взрывается в снегу?

Или сходящихся к ладони линий
из алфавитных крошек наизусть
достаточно, чтобы тебе приснился
внутри кометы потайной язык?

Что скажет он, когда они сойдутся
в груди, как белокаменная боль,
и зеркало перед лисой не сможет
ни зверя отразить, ни пустоту?

И движется ли он тем самым страхом
написанного, прежде чем ему
в окне всемерти передвинут знаки,
из букв образовав ответный страх?

+++

Бог наш Мойдодыр, и сегодня ночью,
по бескрайнему шлёпая песку,
он подыметя из траурного моря
бледной искрою вдоль мачт и парусов.

Как хрома земля в чадре белёсой пены!
Тёмная, не знающая нужных слов.

Для её детей, для всех, кто ей обижен,
есть у нас приём со дна его любви.

Растворяется, как в золоте незрячем,
всякая душа на его руках,
словно от неё с холодным отвращеньем
отпадает тень на спящие дома.

И по берегу, усеянному рвотой,
криком безымянных птиц, среди камней
пробегают, будто судорожный ветер,
по сердцам зверей ужас чистоты.

+++

В раннем детстве я видел в окне
жирную муху с пятном на лице,
мы играли в игру с ней вдвоём —
в игру перемен и случайности.
Я глаза закрывал, и она
превращалась в осу,
полную нежной жалобы.
После она, отвернувшись к цветам,
давала мне время,
и я превращался в змею или кошку,
или дерево, вросшее в небо.
Мне казалось, игра будет вечной, как вечны
имена вещей, свободно текущих
друг через друга к невысказанной цели,
как вечные числа,
обновляя себя с каждым шагом,
остаются собой,
и горе тому, кто сочтёт их.
И когда она снова отвернулась к цветку,
я бросил свой жребий опять,
войдя в перемены,
и превратился в луну.
Я сиял отражённым невидимым светом,
я был камень, пустой изнутри,
с железным кольцом посередине,
управляемый, как самолёт,
летающий таранить врага.
Я вздохнул,
открывая глаза,

и всё вокруг потемнело,
всё стало серым, сухим,
словно сок перемен
был выжат незримой рукой из предметов,
и каждый из них
стал равен себе, наконец,
в собственном теле покоясь.
И ни мухи-жирухи,
ни осы-колбасы
за окном уже не было —
только один космос.

+++

Жаловалась птаха:
нет у меня страха,
я летаю камнем
по всевышним окнам.
Всё-то мне открыто,
знать, из алфавита
состоит природа,
но я иного рода.
Я не знаю страха,
я не кучка праха,
моему полёту
не было начала.
Я не замечала
ни ловца, ни хищи —
только дар воскресный.
Или шар отвесный.
Но из тучи мира
ни войти, ни выйти.
Тучи ходят хмуро,
небо строит хером,
и стоит над нами
чёрным офицером
мысленное небо,
но его не треба.
Источились брашна.
Что же мне не страшно?
Полегли золою.
Куда я тудою?

+++

Темнота, где рассеяны вещи на слух,
это мать и братья мои.
Но мертвее их всех коллапсирует луч,
освещающая ночные бои.

Только контуры тел в заповедный прицел
наблюдают Орёл и Телец,
как уже у реки собирается в цепь
огневая крылатая степь.

Тянет речь безуханную песню свою:
каждой рыбе шепнуть айлавью, –
всё равно не услышат их пенье вдали
бездыханные дети земли.

Там, вдали, за рекой, бесконечный покой,
холодок в виноградной тени,
но, укутаны в войлочный воздух глухой,
только видеть и могут они.

Всё, что скрыто во тьме, понимает их взгляд,
каждый шорох и каждый окоп,
но глухими губами они говорят,
как от них эта жизнь далеко.

Это мы? – говорят они. – Там, в тишине,
это мы среди этих теней?
И лучом погибающим пишет звезда
на лице их нечистое «да».

+++

Три года ветер рвал траву,
как если бы под ней
не скука спёкшейся земли
лежала нарасхват,
не камень, точенный водой,
и червь, неистоющим,
прозрачным телом проедал
безумные ходы.

И было непонятно нам,
привыкшим к пустоте,
зачем он роет этот ров,
зачем он камни бьёт?
Зачем с огромной высоты,
как сокол-человек,
он падает на злую грудь
убивицы Земли?

Как будто там, под сводом плит,
разумным веществом
был вылеплен такой же мир,
не знавший сам себя.
И жадные глаза сверчков,
как зеркальца во тьму,
казалось, предъявляли нам
его разумный жар.

Но на пустынном полотне
язык наш не умел
ни имя подобрать ему,
ни запретить его.
Лишь ветер, как небесный рог,
вонзался в ткань земли,
как будто нёс благую весть,
но в этот раз не нам.

Гимн

Я поднял взгляд –
и горы вошли в него.
Но мне говорили,
что небо полно иллюзий.
Я же видел вдали,
как расступался свет
перед их силою,
сокрушённый о невозможном.
Твои горы тихи –
тишина льётся вниз.
Твои горы суровы,
и нет вершин неприступней.
За кромкою гор твоих
нельзя обернуться назад,

и не вспомнит никто
эту тень в пугливой низине.
И если бы слово
было способно любить,
всё как есть оставляя
в покое – в покое – в покое,
я бы позвал тебя
по имени твоему.
Но я молчу,
и горы не становятся ближе.

Поэмы

1917

1. Человек различает всю тьму вещей,
он ищет опоры в звуке, истине, камне.
На земле, среди бьющих извне ключей,
в ужасе говорит он: куда мне
итти? Разве последует день за мной?
Разве вода, растекаясь по валким склонам
без разбору, лучше меня, кто бережёт припой
для цепи сущего и станет его законом?
Выше ли воли волна, растленно ли море?
Пусть неудачные звёзды ответят: они не путь,
не исток, не свершенье, и свет их, ни с кем не споря,
только ближним не даст уснуть.

2. В эпоху тьмы дубравы твои прекрасны.
Мы слышим детский шопот листвы.
Во весь звериный рост подымается
речь народа и пламя его костров.
Совы, спящие на лету, знают, как
проговорить неизбежное время, хотя вслепую,
но, разбудив их верховно, услышишь только
гул неопрятный вдали временеющей смерти.

3. Мир совершён умыслом зла. Тебя, человек,
бросили, как черту, в разломы чисел –
да отделишь зло от зла, как пустой ковчег

надвое разделяет память и вымысел.
Думай себя мостом, представляй чередой
явлений, которые суд подшивает к делу,
пока называешь домом, идя домой,
сны своего небесного тела.

Мы в поле за тобою вышли, оно гудит,
по следам твоим, созванным из природы, —
и то, что по ним идёт, растворяет вид
на равенство начинающейся охоты.

4. Есть заблуждение о твёрдых вещах,
ибо твердыня их разорвана изнутри
речью, длящейся сообща
с невозмутимой холодностью игры.
Так человек, разорвавший надвое мир,
сидит на кухне, вглядываясь в окно,
откуда сквозь щели беззвучный пур
врывается в простуженное темно.
Надо ему зарыться, а не сидеть.
Будет ему зарница в пустую грудь.

5. Когда от земли отлетают лёгкие пажити,
на которых возрастают лики наши,
вы ничего уже в уме не свяжете,
ваша печаль пропахана, она пропажа.
В зимнюю ночь девочка долго целуется
с пёсьеголовым отроком, чтобы затем
шла вереница солдат по уставшей улице
с пепельными глазами на мерзлоте.

6. Человекочервь не понимает, что происходит.
Его печаль полна безответных знамён.
Он думает, что явленное его освободит,
но боится, что глаза его превратятся в камень.
Это верно. Пусть ему никуда исчезнуть не светит,
но он ещё может упасть листом
на землю, которую холод всевышний постиг.
Мы охотники, мы позаботимся об этом.

7. Нет и нет, — говорит он, кусая гроб. —
Я не сияющий бык, чтобы меня ловили.
Мелом мой не побелен лоб.
В гробу я вижу тошнотные эти были.
А может, я буду бабочкой второпях,
может быть, я не прах, а длинное лето,
и род мой теряется в тех краях,
откуда над вами взрывает ночи комета.

Я мерцанье, которому нет пути.

Открытость – моя темница, и всё, что раньше
было возможным, держит меня взаперти,
как возможность победы – наглухо проигравших.

8. Встань, беги, пропадай, вспомни, как это было:
вначале неважно кто сотворил могилу,
и в странном помысле она оказалась полна.
Имя создателям его – война.
Прячься среди них, пропадай с ними,
как с бумажными, неживыми,
как с первородными дна.

9. Земля, которую многие путают с человеком,
это клочья тумана над безвольной водой.
В них слеполонная правда ютится.
Как рыба, она приходит на голос твой.
Ночь на заре. Сметённое отовсюду
догорает в ничтожестве звёздного полусна.
Окна разбиты. Томящийся слух открывает
луны воды, по которым идёт она.
Над перетравленным запахом рыбьей мочи
подымается некое солнце, его лучи
растворяют иссякшую землю, и целый город-
блеск ложится на тонкой воде причин.

10. Ровно в полночь включили свет из чистого льда.
В едкой слабости пречистого льда земля растворилась,
кость от кости отшатнулась, и в промёрзшие города
прозрачную конницей вошла неизвестная милость.
Теперь о милости звёзд-неудачниц прочтёт любой,
об охоте беззвёздного неба за рассеявшейся землёй,
виды охотниц поймёт, войдя в их красные сети,
затем что царство закончило своё тысячелетье.

11. Хорошо загнать человека с его червём
в гроб единственного ответа,
речь его хорошо завершить лучом
неистощимого смертного света.
Но земля безответна, она ни при чём.
Её пугливые волны расходятся над головою,
как будто ты умерло снова, о неживое,
и собственный голос стал тебе палачом.
Под окном ходит ветер недвижимыми шагами,
у него на уме миллионы таких, как ты.
Звёзды были тебе врагами
в небьющемся сердце твоей слепоты.

12. Нет, не чуткое зеркало наоборот лица,
а бесхозную плоть пустого мира
осветил бы застывший свет мертвеца,
перемежающий впрочернь, зримо,
с толпой, натёкшей на каменные мостки,
гул разорванных пустотою чисел.
Обледеневшие чёрные лепестки
хрупко кружатся в неладной выси.
Он камень, и в то же время он – долгота
первой мысли, сместившей границу речи
в математический пепел рта,
рассыпающегося от слова «вечность».
Он брошен в себя затёртой чертой назад,
в свершившееся, как переворот, пространство.
Он божество. Он открывает глаза –
ничто не смеет далее продолжаться.

В подвалах Первой Апокалиптической

*...Конечно же, разум, появившись на этих мельчайших островках
свободы, был бы бесчеловечным, но это понятно: разум в собственном
смысле и не может быть иным. Куда важнее то, что ни в рождении
своём, ни в становлении он не будет ничем обязан свету солнца и
других светил – будет свободен от этой величайшей аферы во всём
мироздании. От чудовищного в силу порождённых им подозрений мифа о
том, что когда бог сказал «будет свет», то стал именно свет.*

1

Браток, воткни в меня цветок,
я круг, разбитый на восток,
я юг, самодержавный звон,
я тьма и свет со всех сторон.
Мне нравится, когда следы
упавшей на меня звезды
находят через сотни лет,
и среди множества примет
они свидетельствуют о
том, как прекрасно вещество.
Я нахожу особый путь
в том, что пространство по чуть-чуть
скрывается от наших глаз

и тут же забывает нас;
я сам – пространство, и хочу
сказать: мне это по плечу.
Ещё мне нравится, когда
идут слоны на водопой,
и первый слон трясёт губой,
которая ему же нос,
и говорит: я никогда
дыры не видывал такой,
куда теперь нас чорт занёс?
А у поверхности дыра
так кропотлива и хитра,
что в этой матрице ручной
Господь играетя ночной.
Мне люб скелет меня внутри,
его огромные шатры
и флейты, веющие сон,
и тьма, и свет со всех сторон;
он сделал шаг, а я продрог,
он враг всему, что я не смог
назвать своим во дни земли,
меня он делит на нули.
А между телом и душой,
как между целым и остатком,
стоит великий часовой
и он уже устал порядком.

2

И гром воззвал:
ты славу видишь здесь?
Или она как чушь,
или она как песь,
как заячье дыханье у двери,
или она внутри, а ты снаружи?
Ты славу видишь, а могло быть хуже;
попробуй повтори.
И гром ко мне воззвал
из мирового сна:
ты славы видел жвалы и увечья?
Пускай дыханье человечье
ей будет выпито до дна.
Гром был как рвота неподвижных звёзд,
но у него была своя работа,

и он трудился наизнос,
чтоб грязь земли смешать со грязью неба.

3

Ростки танцующих ракет
растут сквозь камни и металл;
и смысл, и слово-автомат,
и слово-смерть, и слово-ад
направлены вперёд, в провал.
Должно быть, небо – это яд,
и кто тем небом наплатил
крылатый танец слово-слово,
тому в особенный черёд
земля покажется обновой.

4

Зачем на улице вчерашней
стал пашней свету человек?
Он тёмн был внутри и жирен,
он под защитой перемен
тянул себя, как сигарету,
вне мира знаков и письмён.
Его шаги в пустой квартире
казались грохотом вдали,
и середина с серединой
сойтись неложно не могли.
Но свет вспахал его, подняв,
как замковые кирпичи,
из глупой глубины невинной
ключи престолов и начал.

5

Как по натруженному холоду
звезда спускает свой приказ
на человеческую голову,
но ни о чём не говорит, –
ей не ужиться среди нас,
ей хочется начать по-новому
свой путь в разумном веществе
и всё переменить при этом.

И вот, она берёт пинцетом
листы замученной души
и шьёт лучом, как миномётом,
поверх заснеженных вершин.
А нервной глии чудеса
срастаются со звёздным гнётом
в один рассерженный кристалл,
чтоб человек, забыв об этом,
быть тем, кем создан, перестал.

6

Кто ты, бессмертный человек?
Одушевлённый поплавок,
двух бездн болтаясь посреди,
ах, с подорожную в груди.
Во что ты всей душой вник?
Ах, в корешки старинных книг,
в их аромат удешевлённый,
стоящий в голове комок.
Кто взял тебя и бросил в мирный
межгалактический поток,
смутив волнения эфирны
во глубине астральных строк?
Он пробовал, а я не смог.
И смотрит бледными глазами
на воспалённый потолок:
Он пробовал. Это я не смог.
Давайте всё забудем сами.

7

Космическая гебдомада
мне говорит, что так и надо —
в устах передового света
быть именем ни для чего.
Как лягут плоские планеты —
сплошной, прерывистой чертой ли, —
тем и окончится застолье
в великой пустоте его.
Но всё по-прежнему мертво.
Плоть разума дрожит на нитке
в своей единственной попытке

на чёрный день сшить чёт и нечет
в немыслимое полотно,
но свет, пульсируя, калечит
его волокна мировые,
и, разрастаясь, астрогля
искрит в бездонное окно.
Не холодно и не темно.
Пустыми устрицами небо
тошнит в открытое лицо,
и с визгом треснувшая глыба
его кружится колесом:
вот это – был наш общий дом?
Но вспомни промысел старинный:
нож и зарезанный едины,
ночное тело преступления
мерцает жертвенной рекой.
Созвездия и сочлененья
руки с лучом, ума с ожогом
в своём сиянии жестоком
встают согласно над тобой,
и бесконечен их покой.

8

Из ничего никто возник
и всё вокруг сровнял с землёй,
как бы в коробке черепной
прорублен был ночной родник,
родник, который нам язык,
которым всё молчит со мной.
Там, ниже – червь многоочит
грызёт в комедии земной
нечеловеческий рудник,
как будто в толще этих плит
рождает разум запасной
для тел, преображённых в стыд
из тёмной глины световой.
По небу полночи летит
простой архангельский мужик,
пустой, который к нам привык,
за гранью открывает вид, –
и в этот вид, как в перегнутой,
звезда ложится со звездой.

9

Когда колоннами любви
на город опускался космос,
и звон, и тонкий хлад его
в крестовых окнах отражался;
и зовь плыла по сваям неба,
улитой медленной спеша;
и звёзд косматина белела
молочной пеной от ножа;
а на земле хозяйка села
у пролитого молока
и говорила: у вселенной
наверно чёрная душа;
и ей казалось, время рыло
внутри неё обратный ход;
и боль была, как разворот
вокруг обугленного тела;
и с проклятого потолка
ссыпалась смертная побелка;
и цвет с деревьев, как помолвка,
летел на зеркало лица;
и всё кончалось без конца;
и холод мировой изнанки
уоставших мёртвых оживлял
в уме для новой похоронки, —
а сверху вазой без огранки
из абсолютного нуля
смотрели очи внутрь себя.

10

Прозрачный пепел небосвода
поднимет нас, куда захочет,
и сердце страшного народа
высоким вымыслом встревожит.
На нём написанное слово
сломалось ровно посередине —
никто не скажет, что отныне
оно когда-то означало.
И ты, последнее начало
в глазах унылого уroda,
смотри, чему ты дверь открыло,

что здесь гноилось и воскресло,
что в человеке вместо места
открылась солнечная яма.
Давай его туда зароем.
Он был дурак, а стал героем.
Сотрём случайные мгновенья,
взорвём язык, как мирозданье, —
и кто-то мысленную тенью
проникнет в наше подземелье.
Он будет избегать созвучий
внутри испорченного слуха
и сквозь испорченных излучин
глухого мира, словно эхо
какой-то дальней светломни,
он спящих волн поднимет лица,
он мёртвых лиц поднимет пламя
и всё, как есть, один запомнит,
всё, что заполнено словами,
всю бесконечную страницу
огня между собой и нами.
Но тех, кто спрашивал ответа
у чёрных переводов света,
во лжи испорченных узоров
кто растлевал себя и прятал,
перечеркнёт, как приговором,
путь механической планеты,
сошедшей в ад, как сходит разум
в холодный блеск бессмертных тел.
И если это был предел
для вопрошания земного,
пусть ими найденное слово
затмит непобедимый воздух,
как ты, бездушная оправа
земли, затверженная снова,
и будет ум их тьма и ползок —
и вновь ответа не удержит.